

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-51-62

© Ф. Н. Веселов

ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА И ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ КИЕВА В 1240 ГОДУ: ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ*

Ужас, который испытали современники Батыева нашествия на Восточную и Центральную Европу, сохраняют до наших дней литературные произведения, созданные почти одновременно или спустя некоторое время после трагических событий 1230–1240-х годов. В исключительных случаях к ним относятся отдельные памятники,¹ но преимущественно рассказы и повести о монгольском завоевании фиксировались в составе летописей и хроник.² Древнейший и подробный рассказ о взятии Киева армией Батыя в 1240 году содержится в Галицко-Волынской летописи. На протяжении столетий историки относились с доверием к сведениям о штурме древней русской столицы.³ Не удивительно, что летописное сообщение до сих пор сохраняет качество главного источника для реконструкции этого события, ключевого не только для монгольского завоевания Южной Руси, но и для всей стратегии Великого Западного похода чингизидов: падение Киева и захват Галицко-Волынских земель открыли путь монгольским армиям в Центральную Европу.⁴

Впрочем, исследователи давно обратили внимание на то, что составители Галицко-Волынской летописи пользовались в качестве литературных источников переводными историческими сочинениями. Это византийские хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, позднеантичный роман об Александре Македонском (Хронографическая

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту РНФ № 21-18-00166.

¹ Например, «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства монголами» Магистра Рогерия. См.: Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат. А. С. Досаева. СПб., 2012.

² Например, древнейшее ядро «Повести о разорении Рязани» Батыем имело «летописный характер» (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 335); в рамках летописной традиции складывалась и «Повесть о нашествии Батыя» (см.: Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батыя в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989).

³ См., например: Карамзин Н. М. История государства российского. 2-е изд. СПб., 1819. Т. 4. С. 11–13; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1896. Кн. 1. Т. 1–4. Стб. 824–925; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 250–251; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 215–216; Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. 2-е изд. М., 1977. С. 197; Хрусталева Д. Г. Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 220–223; Майоров А. В. Две даты взятия Киева монголами в русских летописях // Русская литература. 2016. № 2. С. 58–59. В некоторых работах прямо указывается, что рассказ о падении Киева записан со слов очевидца событий: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 86; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. С. 123; Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 142; Майоров А. В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica antiqua*. 2012. № 2. С. 50.

⁴ См.: *Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies* / Ed. V. Spinei. București; Brăila, 2014. P. 341; *Pow S. The Mongol Invasions of Europe* // *The Mongol World* / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022. P. 184.

Александрия) и «История Иудейской войны» Иосифа Флавия.⁵ Связь с хронографическими произведениями (т. е. теми, что составляли компилятивные древнерусские хронографы) прослеживается не только в буквальном копировании отдельных фраз, заимствовании характерных лексем и «микроцитировании»,⁶ но и в использовании устойчивых литературных формул,⁷ «моделировании текста по образцам».⁸

Учитывая этот феномен, А. П. Толочко в нескольких работах специально анализирует текст о взятии монголами Киева.⁹ Исследователь доказывает, что интересующий нас рассказ целиком, включая общий план повествования, описание монгольских войск, топографию Киева, последовательность осадных мероприятий, кульминационный и наиболее драматичный эпизод — обрушение сводов последнего прибежища оборонявшихся, Десятинной церкви, — скопирован на основе заимствований из хронографических произведений. Итоговый вывод неутешителен: «...сохраняя достоинства литературного произведения», рассказ о взятии Киева «утрачивает свойства исторического источника».¹⁰ На первый взгляд такое заключение кажется логичным: тексты, написанные в другое время и по другим поводам, не могут дать достоверной информации об изучаемом явлении. Осторожность исследователя оборачивается трагедией: остается шаг до постмодернистского заключения о том, что прошлое — непознаваемо, а на долю историка выпадает не реконструкция былого, а литературная критика текстов.¹¹

Впрочем, труднопознаваемость истории не отрицает самого существования объективной реальности в прошлом и возможности приблизиться к адекватному прочтению источника, а значит, и правильной реконструкции исторических фактов.¹² Прочтение источника предполагает «установление цели, которую преследовал его автор»,¹³ а для того чтобы ее установить, необходимо выйти за рамки текстологического анализа и обратиться к герменевтическому исследованию текста.

⁵ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 69, прим. 1; *Бес-тужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 151, прим. 235; Орлов А. С. 1) Лекции по истории древней русской литературы, читанные на Высших женских курсах, учрежденных В. А. Полторацкой. М., 1916. С. 74; 2) К вопросу об Ипатьевской летописи // Изв. Отделения русского языка и словесности АН СССР. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126; *Генсьорский А. И.* Галицко-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості. Київ, 1961. С. 14, 174, 277 и пр.; *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М., 1958. С. 99–101; *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Вып. 9. С. 127–134; *Толочко А. П.* Галицкие «приточки» // *Ruthenica*. 2008. Т. 7. С. 201–209; *Ставиский В. И.* О возможном источнике некоторых образов летописной «Похвалы» князю Роману Мстиславичу // *Slověne*. 2015. № 2. С. 159–179; *Вилкул Т. Л.* 1) О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волынской летописи // *Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės istorijos saltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius, 2007. S. 17–28; 2) Слідами хронографічних джерел Галицько-Волинського літопису (Хроніка Іоанна Малалы) // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2017. Вып. 17. С. 413–445.

⁶ См.: *Вилкул Т. Л.* Слідами хронографічних джерел Галицько-Волинського літопису... С. 418–443.

⁷ *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия... 100–101; *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века... С. 129–132.

⁸ *Вилкул Т. Л.* Хронографические заимствования как текстологический маркер в Галицко-Волынской летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2018. С. 275.

⁹ *Толочко А. П.* 1) Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2007–2009. М., 2012. С. 28–36; 2) Взятие Киева монголами: источники летописного описания // *Palaeoslavica*. 2014. № 22 (2). С. 106–115; *Галицько-Волинський літопис: текстологія* / За ред. О. П. Толочко. Київ, 2020. С. 315–326.

¹⁰ *Галицько-Волинський літопис: текстологія*... С. 324.

¹¹ *Репина Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Одиссей. Человек в истории* — 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 25–26; *Филюшкин А. И.* «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // *Топос*. 2000. № 3. С. 68–69.

¹² *Репина Л. П.* «Доступный нашим чувствам знак», или историки в поисках эпистемологических аргументов // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2 (26). С. 5.

¹³ *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 37.

Вооружившись методикой, предложенной в свое время для прочтения Повести временных лет И. Н. Данилевским,¹⁴ в данной статье мы сосредоточимся на функциях средневекового текста, сотканного из цитат и парафразов более ранних сочинений. Постараемся ответить на вопросы: как древнерусский автор работал со своими литературными источниками; почему он выбирал конкретные сюжеты и какое значение эти сюжеты для него имели; можно ли в итоге разглядеть историческую реальность сквозь призму летописного сообщения?

1

Литературные заимствования на уровне образных выражений и художественных метафор не могут быть достаточно вескими основаниями для признания всего текста выдумкой, тем более когда описываются сражения. Однако обнаружение сюжетной параллели с каким-либо литературным произведением заставляет поставить под сомнение правдивость летописного сообщения.

К сравнению мы привлечем два сюжета из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» (далее — «Иудейская война»): взятие Иерусалима Помпеем в 63 году до н. э., которое, как полагает А. П. Толочко, «структурно имитировал» древнерусский книжник,¹⁵ и кульминацию произведения Флавия — осаду и штурм Иерусалима Титом в 70 году н. э.

Сюжет взятия Иерусалима Помпеем следующий. Разгневанный вероломством Аристовула, одного из еврейских вождей, Помпей подводит армию к Иерусалиму и осматривает город. Военачальник видит «ровы вельми страшны», «твердость стенную» и «церковь <...> заграженну великою твердостью <...> бывающую второму прибежищу людям». Но в городе вспыхивают разногласия, и большая часть «граждан» «предаются» Помпею и открывают ворота внешнего города. Аристовул разрушает мост, соединявший оборонительный комплекс храмовой горы с прочим городом, а Помпей начинает его осаду. Римляне засыпают ров, подводят к стенам земляную террасу, на которой ставятся стенобитные машины. После трех месяцев осады, наконец, одна из башен была разрушена, начался штурм. Во время штурма Храмовой горы иудеи подожгли церковные «комары», однако сам Храм разрушен не был, и после посещения Святая святых Помпеем захватчики велели его освятить и возобновить жертвы.¹⁶

Если сравнить этот сюжет с повествованием Галицко-Волынской летописи, находится масса различий: киевляне не сдавали Батью внешний город, сражение в Киеве разделилось на несколько этапов, наконец, Десятинная церковь была полностью разрушена, а богослужение на ее руинах возобновилось только спустя четыреста лет.¹⁷ Получается, что сюжеты двух рассказов не совпадают.

Итогом взятия Иерусалима Титом в 70 году н. э. стало окончательное разрушение Храма Соломона, «мерзость запустения» святого места, рассеяние иудеев по миру. Рассказ о «разорении иже сотворил Тит» куда более подробный и длинный, чем любой из сюжетов «Иудейской войны». Общая композиция включает эпизоды возведения римлянами осадных лагерьей, вылазок осажденных и отдельных стычек, взятия первой стены, затем — второй, падения третьей стены у крепости Антония и самой крепости, продолжительной и кровопролитной битвы за Храм, во время которой начались пожары и его архитектурный комплекс был разрушен в огне. Но с падением Храма бои за Иерусалим не прекратились: последним самостоятельным эпизодом стала отчаянная битва за Верхний город и дворец Ирода.

Таким образом, нет полного совпадения и между сюжетами штурма Киева монголами и Титовым взятием Иерусалима. В обоих случаях общее есть только в концепции

¹⁴ Там же. С. 32–75.

¹⁵ Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 107.

¹⁶ «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2004. Т. 1. 351а — 351г.

¹⁷ См.: Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 12–14.

драматической осады значимого для автора произведения города, завершившейся его опустошением. Тем не менее нельзя отрицать наличия параллелей между летописным рассказом и «Иудейской войной» на уровне отдельных эпизодов и деталей повествования.

Первое сходство¹⁸ угадывается между «предварительной разведкой» Киева Мункэ («Меньгоуканови же пришедшоу сглядать град Києва <...> видив град оудивиси красоте его и величеству»¹⁹) и Иерусалима Помпеем («и окрест града ходяще, смотряще идеже приступити со всею силою, понеже видя твердость стенную»²⁰) и Титом («объездыше около Иерусалима смотря твердости его»²¹). Однако, в отличие от эпизодов «Иудейской войны», это «сглядание» Мункэ имело более сложные сюжетные последствия. Эпизоды разведок Тита и Помпея ведут к тому, что читателю объясняется причина, по которой острие штурмов было направлено с той или иной стороны городских укреплений. Цели же Мункэ описываются скорее как политические, а не как военные.²² Мункэ не интересуется «твердость стенная», параллель с «Иудейской войной» есть только в поэтическом удивлении «красоте и величеству». Полководец отправил к горожанам послов, миссия которых провалилась, «и не послушаша е(го) [горожане]», и повернул обратно в степь. В результате, Михаил Всеволодович оставил Киев и бежал «во угры», столица перешла к Ростиславу Мстиславичу, затем к Даниилу: так читатель узнает, почему в будущем оборонял город от монголов Данилов тысяцкий Дмитр.

Реминисценция сочинения Флавия может быть усмотрена и в эпизоде, относящемся к началу осады Киева: «...постави же Батый пороки городуу подъле врат Лядьских тоу бо беахоу пришли дебри» (ПСРЛ, 2, 785).²³ То есть Батый назначил острие штурма на то место, где к городским стенам примыкали «дебри». Впрочем, если обратиться к оригинальным сюжетам «Иудейской войны», повествовательная логика оказывается прямо противоположной: Помпей засыпал естественные и рукотворные преграды («и ту ров насыпа и дебри вси»), а Тит, «смотряще на которую страну приступить», выбрал место не с «дебрями», а, наоборот, там, где «стены низкы».²⁴

Выражение «пришла дебрь» для древнерусской литературы не уникально. В более позднее время (конец XV века) оно используется при описании Афанасием Никитиным города Виджаянагары, столицы одноименного индуистского государства: «а града же взяти неоткуды, пришла гора велика да дебрь зла».²⁵ «Дебрь зла» переводится в академическом издании «Хожения за три моря» как «чащоба злая».²⁶ В качестве лесной чащи в некоторых современных изданиях воспринимаются и киевские «дебри» у Лядских ворот в 1240 году.²⁷ Однако, с нашей точки зрения, Батыю под стенами Киева пришлось иметь дело не с лесной чащей.

Во-первых, такому объяснению противоречит практика обязательной расчистки местности перед укреплениями, в том числе древнерусскими городами и крепостями: местность должна была хорошо просматриваться.²⁸

¹⁸ Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 107.

¹⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. 2. Стб. 782. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: ПСРЛ, с указанием номера тома и столбца.

²⁰ «История Иудейской войны»... 351а, 39–40; 351б, 1–2.

²¹ Там же. 436б, 9–11.

²² К такому мнению приходят многие историки. См.: *Maierov A. The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s: Controversial and Unresolved Questions // The Journal of Slavic Military Studies. 2016. Vol. 29. Iss. 3. P. 477–479.*

²³ Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 110–111.

²⁴ «История Иудейской войны»... 441а, 11–21.

²⁵ Хожение за три моря Афанасия Никитина / Подг. Я. С. Лурье, Л. С. Семенов. Л., 1986. С. 16.

²⁶ Там же. С. 56 (пер. Л. С. Семенова).

²⁷ Карпов А. Ю. Батый. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 101 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

²⁸ См.: *Pannonport P. A. Древние русские крепости. М., 1965. С. 16.*

Во-вторых, древнерусское слово «дебрь» имеет много значений, кроме долины или склона, поросшего густым лесом, это еще и ущелье, обрыв, ров, яма.²⁹ При этом последние значения являются старшими.³⁰ В переводной литературе именно так чаще всего передается греческое «φάραγξ» — расселина, пропасть, особенно на склонах гор, овраг, обрыв, утес.³¹ В значении горных оврагов и ущелий это слово употребляет игумен Даниил в описании местностей Святой земли, в том числе окрестностей Иерусалима.³² Аналогичные примеры можно найти в древнейших летописях: например, в «дебрь», т. е., в ров, с моста упал князь Олег Святославич (ПСРЛ, 2, 62).

В связи с окрестностями Киева было предложено прочтение туманного по смыслу словосочетания «Слова о полку Игореве» «дебрь Кисаню»: лес в овраге, прорытом речкой Киянью под Киевом. Это чтение было подробно разъяснено Н. В. Шарлеманем и поддержано Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитриевым, Л. А. Булаховским и др. Однако и здесь нет единства в том, как именно понимать «дебрь»: в качестве лесной чащи или оврага. Так, Н. А. Мещерский переводит словосочетание как «овраги Кияни».³³

Собственно киевские «дебри» упоминаются в рассказе об обороне Киева от Юрия Долгорукого в 1151 году: «мжи дебрями» занял оборону князь Владимир Мстиславич (ПСРЛ, 2, 427–428).³⁴ Судя по изложению летописца, князь с отрядом берендеев должен был находиться у Олеговой могилы и горы Щекавица. Таким образом, в данном контексте дебрь, как и в произведении игумена Даниила, и в переводных греческих памятниках, связана с горным рельефом. Такие «дебри» могли располагаться сразу между несколькими киевскими возвышенностями, кроме Щекавицы, это Замковая и Старокиевская горы. Лядские ворота стены Ярослава, позднее называвшиеся Печерскими, были расположены с противоположной стороны, юго-восточной, и находились они в низком месте, Крещатицкой долине, центре своеобразного амфитеатра, образованного двумя отрогами киевских холмов, на которых расположился город Ярослава. К этой долине стена спускалась от Золотых ворот, а затем поднималась к Михайловскому Златоверхому монастырю.³⁵ Таким образом, выражение летописи «пришла дебрь», в значении низкого места, долины между возвышенностями, как нельзя лучше подходит для описания рельефа с юго-восточной стороны киевских укреплений XIII века. Стоит добавить, что при штурме Владимира монголы атаковали в том числе выходящие к поймам рек Лыбеди и Клязьмы «Медяные» и «Волжские» ворота, т. е. те укрепления, которые располагались в низинах (ПСРЛ, 1, 463).

После того как монголы установили метательные машины со стороны Лядских ворот, они начали обстрел киевских стен: «...пороком же бес престани бьющим день и ночь, выбиша стены, и возиidoша горожаны на избыть стены...». В «Иудейской

²⁹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 766; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 197; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. 3. С. 131.

³⁰ Праславянское слово «dъbъgъ» ближайшим образом связано с «дном»: оврагом, ямой, ложбиной и пр. См.: Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2019. Вып. 13. С. 80; см. также: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5. С. 176; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. 1. С. 235.

³¹ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. М., 1991. Стб. 1305; *Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R.* A Greek-English lexicon. 9th ed. with suppl. / Rev. eds. P. G. W. Glare, A. A. Thompson. Oxford, 1996. P. 1916.

³² См.: Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 34, 50.

³³ См.: Салмина М. А. «Дебрь Кисаню» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 93–96.

³⁴ См. также о топонимах летописной статьи, связанных с расположением войск Изяслава Мстиславича: Карпов А. Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. С. 150–151.

³⁵ См.: Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 252. См. также планы-реконструкции оборонительных сооружений Киева XIII века: Там же. Приложение: План Верхнего Киева и Подола; Толочко П. П. 1) Древний Киев. Киев, 1983. С. 67; 2) Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // *Ruthenica*. 2009. Т. 8. С. 153.

войне» осажденные делают вылазки, «выходят», «вытекают» из города, а осаждающие, разрушив стены, входят в города.³⁶ Римляне разбивали каменные стены ближневосточных позднеантичных городов с помощью таранов; стены падали, в образовавшуюся брешь устремлялись легионеры. Но киевская стена города Ярослава была совершенно иной по материалам и конструкции. Это уникальное по масштабам оборонительное сооружение — единственный достоверный археологический пример древнерусской крепостной стены, возведенной на специально созданной высокой (до 11–12 м) древо-земляной платформе.³⁷ Разрушить такую основу, вне зависимости от того, была ли она относительно пологой или имела вертикальный бревенчатый фас,³⁸ осадными орудиями Средневековья было практически невозможно. Только с расстояния, каменными-пороками, была вероятность «выбить» верхние бревенчатые клетки и заборолы. На их остатки («избить стены») на валу и «взошли» горожане, там же они могли дать рукопашный бой атакующим монголам.³⁹

Начало штурма не копирует сходные эпизоды из «Иудейской войны», наоборот, согласуясь с данными археологии, оно имеет большую вероятность оказаться описанием реальных событий. Однако красочное описание боя между осаждавшими и защитниками на «избитых» стенах давно стало хрестоматийным примером заимствований: «...и ту беаше видети лом копейный и щет скрепание, стрелы омрачиша свет».⁴⁰ Впрочем, еще Н. А. Мещерский заметил, что фраза «и бысть видети лом копейный и скрежетание мечное и щеты ископаны» отсутствует в греческом оригинале Флавия и является поэтическим добавлением древнерусского переводчика.⁴¹ Доказательством этому служит и тот факт, что она встречается в более ранних, чем Галицкая летопись, памятниках. В частности, в Киевской летописи под 1174 годом: «И ту бе видети лом копийный и звук оружийный...».⁴² К этому надо добавить, что и поэтическому выражению «стрелы помрачиша свет», которое находится очень близко по тексту в «Иудейской войне», тоже нет соответствия в греческом оригинале. Значит, и эта образная фраза самобытна и могла появиться ранее перевода Флавия на славянский язык, тем более что она близка по смыслу к знакомой по «Слову о полку Игореве» и использовавшейся в летописных текстах и переводе «Иудейской войны» метафоре: «стрелы на них летяху аки дождь».⁴³

После того как монголы захватили внешние стены, киевляне «создаша паки другий град около святой Богородицы». Зафиксировать в этой фразе дословные заимствования из «Иудейской войны» нельзя, при этом параллель с одним из эпизодов взятия Иерусалима Титом очевидна: иудеи соорудили «иные стены» у крепости Антония.⁴⁴ Тем не менее нет веских причин называть действия киевлян литературным вымыслом: «святая Богородица», т. е. Десятинная церковь, располагалась в городе Владимире, городском детинце, имевшем самостоятельные укрепления внутри города Яро-

³⁶ Например: иудеи «вышедше на римляне», иудеи «вытекше поджгоша приспу», иудеев «вышед тысяща пред град», римляне «внидоша в град» и пр. («История Иудейской войны»... 413в, 32–33; 414в, 6–7; 437в, 30; 421а, 12–13).

³⁷ Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М., 2009. С. 264.

³⁸ Там же. С. 265.

³⁹ Ср. объяснение Ю. Ю. Моргунова близкого по смыслу выражения Ипатьевской летописи применительно к штурму монголами Козельска: Там же. С. 59, 61.

⁴⁰ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи... С. 119; Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 111.

⁴¹ Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия... С. 77–78. См. также: Палуткин А. А. Южнорусские летописцы XIII века... С. 129; Алексеев А. А. Интерполляции славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2008. Т. 59. С. 70, 105.

⁴² Ср.: ПСРЛ, 2, 576 и «История Иудейской войны»... 413г, 24–25. Кроме того, специальное исследование посвящено влиянию Повести временных лет на перевод Иосифа Флавия: Вилкул Т. Л. Переводчик «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — читатель «Повести Временных лет»? // «Вертоград многоцветный». Сб. к 80-летию Б. Н. Флори. М.: Индрик, 2018. С. 133–142.

⁴³ Барсов Е. В. Слово о Полку Игореве как художественный памятник Дружинной Руси. М., 1881. Т. 1. С. 264; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. Л. В. Виноградова. Л., 1978. Вып. 5. С. 231–232.

⁴⁴ «История Иудейской войны»... 450г, 34–35.

слава. Дискуссионным может быть вопрос, насколько эти укрепления сохранили свои качества в условиях городской застройки и необходимо ли было их поновлять для боевого использования, однако данные археологии подтверждают факт наличия нескольких линий для обороны в Киеве XIII века.⁴⁵

В Десятинной церкви происходит последний эпизод рассказа о взятии Киева: «...людем же оузбегшим и на церковь и на комары церковныя и с товары своими от тягости повалишася с ними стены церковныя и прият бысть град сие воими». Упоминание комар может привести к выводу о том, что и здесь литературным источником стал текст «Иудейской войны».⁴⁶ Впрочем, прямого лексического соответствия найти не удастся, обнаруживаются несогласованности и в концептуальном плане. Если летописец заимствовал место об обрушении комар, то, продолжая логику повествования Флавия, киевляне уподобились бы римлянам, тем, кто осаждал, а не был осажден.⁴⁷ Если же речь шла об уподоблении Десятинной церкви Иерусалимскому храму, где происходило сражение на комарах,⁴⁸ то и здесь получается несоответствие. Ниже мы остановимся на том, что сакральным воспроизведением Иерусалимского храма в Киеве был кафедральный собор Св. Софии. Описывая в литературной манере разгром города, взяв за основу падение Иерусалима, книжник должен был «разрушить» именно кафедрал, тем более что, согласно сообщению в Лаврентьевской летописи, собор Св. Софии был по меньшей мере разграблен: «Взяша Киев татарове и святую Софию разграбиша» (ПСРЛ, 1, 470). Тем не менее летописец повествует о трагедии Десятинной церкви. По всей видимости, и здесь основой для рассказа стала реальность: в разрушении именно этого храма во время монгольского штурма нет оснований сомневаться,⁴⁹ а сходство с переводом Флавия является формальным: «... для показа народного бедствия избрано аналогичное происшествие, запечатленное близко к оригиналу».⁵⁰

Таким образом, с одной стороны, бросаются в глаза отмечаемые нашими предшественниками яркие параллели между рассказом в Галицко-Волынской летописи и переводной «Иудейской войной». С другой стороны, при подробном разборе оказывается, что в исследуемом тексте приводятся цитаты, которые не обязательно присущи только древнерусскому переводу «Иудейской войны», а парафразы зачастую «подстраиваются» летописцем под описываемую реальность. Что касается заимствований на уровне сюжетов, то здесь стоит заключить, что древнерусский книжник, без сомнения знакомый с сюжетами падений Иерусалима, не действовал «по лекалам», а творчески их перерабатывал. Заимствованные характерные поэтические описания, реминисценции фрагментов исторических сочинений использовались таким образом, чтобы создать из них новый текст, по своей сути напоминающий центон.

Центонно-парафразный принцип построения текста предполагает не просто использование цитат знакомых автору произведений, но и использование «памяти контекста». Таким образом, происходит «перенос акцента с формы на исходное содержание цитаты», а сами цитаты и реминисценции можно рассматривать «в качестве носителей собственно исторической информации».⁵¹ Попробуем разобраться, какова в нашем случае «память контекста» и почему для древнерусского книжника оказываются так важны исторические сюжеты падения Иерусалима.

⁴⁵ Остатки каменных Софийских ворот города Владимира сохранялись вплоть до конца XIX века, а один из участков вала Киевского детинца можно проследить и сегодня. Свое оборонительное значение валы и рвы сохраняли по меньшей мере до середины XVII века, когда на их основе был сооружен острог в Верхнем городе. См.: *Килиевич С. Р.* Детинец Киева XI — пер. пол. XIII вв. По материалам археологических исследований. Киев, 1982. С. 51–57.

⁴⁶ *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века... С. 129; *Толочко А. П.* Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? С. 28–36.

⁴⁷ *Толочко А. П.* Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? С. 32–33.

⁴⁸ Там же. С. 33.

⁴⁹ См.: *Ивакин Г. Ю., Комар А. В.* После катастрофы: Киев в 1241 г. // *Stratum Plus*. 2016. № 5. С. 64–65, 69.

⁵⁰ *Пауткин А. А.* Южнорусские летописцы XIII века... С. 129.

⁵¹ *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 74.

2

При анализе летописных сообщений о падении Киева и разрушении Десятинной церкви А. П. Толочко обратил внимание на то, что цитированные древнерусским книжником произведения относятся так или иначе к трагическим историям о разрушении Иерусалима.⁵² Впрочем, его смутило «то очевидное обстоятельство, что летописец никак не дал понять своему читателю ни то, что он цитирует, ни то, что именно он цитирует».⁵³

Однако, во-первых, прямые указания на цитирование в древнерусских текстах не являются чем-то обязательным. Они могут отсутствовать не только при цитировании предыдущего текста летописи,⁵⁴ но даже Св. Писания.⁵⁵

Во-вторых, в эпизоде падения Киева читаются реминисценции не только произведения Флавия, с которым древнерусский читатель действительно мог быть мало знаком в XIII веке. Давно были замечены параллели во фразе «и не бе слышати от гласа скрипения телег е(го) множества ревения вельблуд его и ржания от гласа стад конь его» с Хроникой Георгия Амартола.⁵⁶ Хроника была переведена не менее чем за два столетия до монгольского нашествия, имела «фундаментальное значение для развития русского летописания и хронографии» и была актуальна «для древнерусского читателя на протяжении всей средневековой отечественной истории».⁵⁷ Кроме того, формулы, приведенные в этой цитате, находят аналогии в книгах Библии (Иер. 8:16, 47:3; Иез. 26:7–12; Суд. 7:12), непосредственное влияние которых, не через текст Амартола, отрицать нельзя.⁵⁸ Предшествующее этой фразе описание окружения Киева монголами: «и окружи град, и остолпи сила татарская, и бысть град во обдержании велице, и бе Батый у города и отроци обседяху град» — цитирует текст об осаде Иерусалима Навуходоносором в Ветхом Завете (4 Цар., 24:10–11).⁵⁹ Кроме того, заметна параллель и с текстом Нового Завета, пророчеством Христа об Иерусалиме: «...и обложат врази твои острог о тебе, и обидут тя, и обымутъ тя отвсюду» (Лк. 19:43). Упрекнуть древнерусских читателей в незнании Писания кажется еще менее справедливым, чем в незнании популярной переводной византийской хроники.

Такая «непрозрачность» цитирований хорошо соотносится с гипотезой о том, Кому на самом деле предназначались древнерусские летописи их создателями, христианскими книжниками: Ему ведомы все книги человеческие.⁶⁰

Так или иначе, обнаруженные цитаты и парафразы относятся к трагической судьбе Иерусалима, но почему падение именно Иерусалима имело такое значение для составителя рассказа о разгроме Киева?

Иерусалим — это главное место на земле для христианской истории. Этот город, живой свидетель Христа, делает духовно явственными события, составляющие основу христианского вероучения.⁶¹ Постепенно развитие литургии, теологии, культа релик-

⁵² Толочко А. П. Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? С. 32; Галицько-Волинський літопис: текстологія... С. 324.

⁵³ Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 116.

⁵⁴ Явление, характерное для «Повести о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи». См. специальное исследование о заимствованиях в этом эпизоде: Прохоров Г. М. Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98.

⁵⁵ См.: Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 41–44.

⁵⁶ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи... С. 122; Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 104.

⁵⁷ Анисимова Т. В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. С. 9–10.

⁵⁸ Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи... С. 122; Ричка В. М. Київ — Другий Єрусалим. Київ, 2005. С. 148; Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 108–110.

⁵⁹ Толочко А. П. Взятие Киева монголами... С. 110.

⁶⁰ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 266–267.

⁶¹ Ousterhout R. Sacred geographies and Holy Cities: Constantinople and Jerusalem // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. Р. 98.

вий и икон позволило сформироваться практике иеротопии, т. е. создания и трансляции сакральных пространств.⁶² Возникло явление *translatio Hierosolymi* и, как его следствие, «Новые Иерусалимы». Первым «Новым Иерусалимом» стал Константинополь, столица священной христианской империи,⁶³ но одновременно и сама метрополия превратилась в город-архетип, копирование которого было положено в основу создания новых столиц *Slavia Orthodoxa* в Средние века.⁶⁴ Возникает основополагающая для христианского осознания исторического процесса парадигма непрерывного *translatio. Translatio imperii* делало Константинополь Новым Римом, а *translatio Hierosolymi* — новым Святым градом.

Рецепция христианской историософии на Руси привела к формированию представлений и о ее сопричастности событиям Священной истории, а образ Святого града становится предметом особенно глубокой рефлексии.⁶⁵ Киевский митрополит Иларион (1051–1054/55) указывает на преемственность между действиями Константина и его матери Елены: «крест от Иерусалима принесша по всему миру своему раславша», — и Владимира и его бабки Ольги: «принесоша крест от Новага Иерусалима Константина града, по всей земле своей поставивша, утвердиста веру».⁶⁶ Владимир и его преемник Ярослав становятся, вслед за Константином и Юстинианом, новыми Давидом и Соломоном, теми, кто приуготовил и завершил Град и Храм.⁶⁷ Первые соборы Киева освящаются на праздник обновления Константинополя, а топография и организация пространства стольного града русской земли повторяли важнейшие градообразующие черты столицы империи ромеев. Ярослав окружает город новой стеной, неизменным символом Града Божьего — Нового Иерусалима Откровения.⁶⁸ «У того же града суть Златые врата», — продолжает описание Киева Иларион, указывая на еще один символический топоним сакрального пространства города, прообраз которого — западные приморские ворота Константинополя.⁶⁹ Небесную защиту города символизировал возведенный над воротным проездом храм в честь Благовещения Богородицы, и, по всей видимости, в Золотых воротах Константинополя тоже существовала церковь в честь Богородицы.⁷⁰

Киевский кафедрал, возведенный на Днепровских горах, ожидаемо уподобляется в летописи⁷¹ и в «Слове» Илариона⁷² Храму Соломона, архетипу Дома Божия. Ярослав был заложен и монастырь Св. Ирины, копирующий одноименную постройку Константинополя, посвященную важнейшей, наравне со Св. Софией, составляющей Царства Небесного — Божьему миру (*Αγία Ειρήνη*).⁷³ Связь Киева с Константинополем, Новым Иерусалимом, прослеживается вплоть до размеров архитектурных сооружений и их конструктивных элементов.⁷⁴ Киев, вслед за мировой христианской метрополией,

⁶² Понятие и термин предложены и сформулированы А. М. Лидовым: Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. С. 10.

⁶³ Erdeljan E. Chosen places. Constructing New Jerusalems in Slavia Orthodoxa. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 53–54.

⁶⁴ Ibid. P. 54.

⁶⁵ Ричка В. М. Київ — Другий Єрусалим... С. 88.

⁶⁶ Цит. по: Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 97.

⁶⁷ Данилевский И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей. Человек в истории — 1998. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999. С. 139; Ричка В. М. Київ — Другий Єрусалим... С. 95–96.

⁶⁸ Erdeljan E. Chosen places. P. 60–61.

⁶⁹ См.: Беляев Л. А. Золотые ворота // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 325.

⁷⁰ Седов Вл. В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 546–552.

⁷¹ Повесть временных лет / Подг. текста, пер., комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адріанової-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 66–67 (сер. «Литературные памятники»).

⁷² Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона... С. 97.

⁷³ См.: Василік В. В. Церковь и империя в византийских церковно-поэтических памятниках. СПб., 2017. С. 394–395.

⁷⁴ Логвин Г. Н. Искусство Киева конца X — середины XI в. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. Киев, 1987. С. 145.

становится «матерью городов», хранимым Богородицей сакральным центром государства.⁷⁵ Как и грядущий Небесный Иерусалим, Второй Иерусалим Киев недвусмысленно ассоциируется с Предвечной Невестой: «Радуйся благоверный граде, Господь с тобою!» — приветствует его митрополит Иларион,⁷⁶ перефразируя одну из древнейших молитв к Богородице. Наконец, статус Киева свидетельствует частично сохранившаяся цитата псалма на алтарной арке кафедрального собора: «ὁ Θεὸς [ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ οὐ σ]αλευθήσεται, βοηθήσει αὐτῇ ὁ Θεὸς τὸ πρὸς πρωῒ πρωῒ]» («Бог посреди нее и она не поколеблется. Поможет ей Бог с раннего утра» (Пс. 45:6)).⁷⁷ В византийской экзегезе X–XI веков этот стих толковался как пророчество о грядущем Небесном Иерусалиме.⁷⁸ И спустя двести лет после осуществления градостроительной программы Ярослава, по крайней мере в Южной Руси, Киев сохранял статус Второго Иерусалима и «мати городов русских».⁷⁹

Значит, цитирование произведений, в которых пророчествуется или повествуется о падении Иерусалима, в отношении Киева — не случайно. Киев был для летописца Вторым Иерусалимом, это — одна из основных причин, по которой повесть о его разорении монголами является мозаикой из цитат и парафразов более древних текстов, посвященных падению Святого града.

3

Форма рассказа о падении Киева, насыщенного цитатами из исторических произведений и Священного Писания, как нельзя лучше иллюстрирует специфику средневекового книжного подхода к осмыслению реальности, который «предполагал поиск исторических (желательно библейских) аналогий».⁸⁰ Аналогией месту, Киеву, выступал его священный пространственный архетип, аналогией событию — его гибель. Падение Иерусалима — одно из важнейших событий священной истории: наказание Богом своего народа за отступничество. Такие события, согласно принципам христианской историософии, были вневременными и постоянно переживались заново, неоднократно эхом повторяясь в разных условиях.⁸¹ О том, что «погибель русской земли» от монголов воспринималась именно как Божья кара за грехи, свидетельствуют сохранившиеся творения двух иерархов русской церкви эпохи установления зависимости от орды, выходцев из южнорусских княжеств: митрополита Кирилла II и Владимирского епископа Серапиона.⁸²

Распознать в произошедшем такое вневременное эхо значило понять и осмыслить реальность. Однако такие сопоставления должно было проводить с большой осторожностью, из страха проявить недопустимую «дерзость пред лицом Того, Чьи дела во всей их Божественной полноте оставались непостижимы для человеческого разума».⁸³

⁷⁵ Данилевский И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом?... С. 139–140; Ричка В. М. Київ — Другий Єрусалим... С. 141–153.

⁷⁶ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона... С. 98.

⁷⁷ Белецкий А. А. Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской // Мозаики Софии Киевской. М., 1960. С. 162–166.

⁷⁸ Акентьев К. К. Мозаики Киевской Св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византиноведение. 1995. Т. 1. С. 77–78.

⁷⁹ В народной русской культуре отождествление Киева со Вторым Иерусалимом сохранялось вплоть до XIX столетия. См.: Ричка В. М. Київ — Другий Єрусалим... С. 147–153. Об отождествлении Святого града с архетипом матери см.: Там же. С. 141–146; Erdeljan E. Chosen places. P. 59.

⁸⁰ Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 211.

⁸¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 252; Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 68; Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II... С. 211.

⁸² Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II...

⁸³ Там же. С. 211. См. также: Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998. Вып. 1. Книжная культура. С. 37–58.

Ответственность летописца перед Богом не допускала пустого сочинительства или интеллектуальных литературных упражнений, являвшихся «лестью» и грехом. Для отождествления произошедшего с одним из важнейших событий священной истории должно было быть достаточное основание. Таким исчерпывающим основанием могла быть только наблюдаемая реальность: цепочки событий, которые имели сходство с сюжетами, описанными в священных и исторических книгах, а значит, могли быть верно истолкованы с привлечением контекста этих сюжетов.

О том, что реальность проступает в рассказе о падении Киева, говорит не только характер работы с литературными источниками и цель их использования. В тексте присутствует эпизод, который никак нельзя отнести к заимствованиям. Во время осады был захвачен в плен монгольский воин: «...яша же в них татарина именем Товроул и ть исповеда им всю силоу их се бяхоу братья его силнии воеводы Оурдю и Баидар, Бирюи, Каидан, Бечак и Меньгоу, и Кююк, иже вратися, оуведав смерть кановоу. И бысть каном. Не от роду же его, но бе воевода его перьвыи Себедеяи богатоур и Боуроундаи багатырь иже взя Болгарьскоую землю, и Соуждальскоую, инехъ бещисла воеводъ, ихже не исписахомъ zde» (ПСРЛ, 2, 784–785). Само имя, *Товрул*, хотя и встречается в более поздних древнерусских памятниках,⁸⁴ не может быть признано исключительно литературным. Оно имеет тюркское происхождение и могло встречаться среди многоплеменного войска отправившихся на покорение запада чингизидов. Например, личное имя То'орил носил Ван хан, правитель керейтов, в разное время союзник и враг Чингисхана.⁸⁵ Что касается сведений, полученных от пленного Товрула, то, несмотря на совпадение со списком полководцев-участников Западного похода, который приводит Джувейни,⁸⁶ в их правдоподобности возникали сомнения. В частности, упоминание Мункэ и Гуюка смущало исследователей тем, что они, согласно сообщению Рашид-ад-Дина, были отозваны весной 1240 года в Монголию и «не могли принимать участия в осаде и штурме Киева осенью того же года, а значит перечень был помещен сюда летописцем по собственному разумению».⁸⁷ Тем не менее в недавнем исследовании показано, что источник собственно монгольского происхождения, «Секретная история монголов», и династийная китайская хроника Юань-ши полностью подтверждают информацию нашего летописца: Гуюк и Мункэ были отозваны в Монголию только после взятия Киева.⁸⁸ Значит, за текстом стоит не литературная выдумка или «собственное разумение» книжника, а историческая реальность.⁸⁹

* * *

Повесть о монгольском взятии Киева в 1240 году в Галицко-Волынской летописи не является шаблонным пересказом сюжетов тех произведений, на которые указывает

⁸⁴ См.: Jakobson R., Szeftel M. The Vseslav Epos // Jakobson R. Selected Writings. Slavic Epic Studies. Mouton, 1966. P. 330. В частности, имя Товрул фигурирует в «Песне о Евпатии Коловрате» и некоторых редакциях «Сказания о Мамаевом побоище»: Сказания и Повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 406.

⁸⁵ Genghis Khan. The history of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. by J. A. Boyle. Manchester, 1997. P. 35, n. 5; The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. and comm. by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1. P. 394–395.

⁸⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. М.; Л., 1941. Т. 2. Извлечение из персидских сочинений / Собр. В. Г. Тизенгаузеном, обраб. А. А. Ромаскевичем, С. Л. Волиным. С. 22; Хрусталева Д. Г. Русь и монгольское нашествие... С. 220–221; Карпов А. Ю. Батый... С. 100.

⁸⁷ Ставиский В. И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1991. С. 193.

⁸⁸ Maiorov A. V. The Mongol Conquest of Rus' // The Mongol World / Ed. by T. May and M. Hope. London; New York, 2022. P. 172.

⁸⁹ Именно так сведения пленного Товрула характеризуют историки: Паушто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 86; Zimonyi I. The Mongol Campaigns Against Eastern Europe... P. 342; Maiorov A. V. The Mongol Invasion of South Rus' in 1239–1240s... P. 480.